

В. З. ПАНФИЛОВ

РОЛЬ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ В ОТРАЖЕНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА *

Возможность абстрактного, обобщенного мышления и познания обеспечивается наличием материальной стороны языковых единиц, которые выступают своего рода посредниками между познающим субъектом и познаваемыми объектами, благодаря чему процесс абстрактного, обобщенного мышления приобретает в известной мере самостоятельный характер по отношению к непосредственным воздействиям внешней действительности.

Знаковый характер материальной стороны языковых единиц, т. е. отсутствие подобия между материальной стороной языковой единицы и ее идеальной стороной (десигнатом), а следовательно, и теми явлениями объективной действительности (денотатом), с которыми она соотносится, является необходимым условием осуществления процессов абстракции и обобщения, образования обобщенного по своему характеру десигната.

Если бы материальная сторона языковых единиц не обладала знаковой природой, то не существовало бы принципиального различия между характером отражения действительности в процессе чувственного познания и того отражения, необходимым средством осуществления которого является язык.

Наличие элементов звукового символизма (первичного и, тем более, вторичного) не изменяет знаковой природы материальной стороны языковых единиц.

В рамках теорий, полагающих, что билатеральная языковая единица является языковым знаком в целом, идеальная сторона языковой единицы (значение, десигнат) также рассматривается как знаковая по своей природе, т. е. утверждается, что она не является образом (в гносеологическом смысле) тех явлений объективной действительности, с которыми эта языковая единица соотносится.

✠ Поскольку естественный язык выступает как необходимое средство осуществления абстрактного, обобщенного человеческого мышления и познания, постольку результаты этого познания не могут быть принципиально иной природы, чем идеальная сторона языковых единиц. В самом деле, содержание понятий выражается посредством слов или словосочетаний, содержание суждения — посредством предложения, и если эти языковые единицы являются знаками в обеих их сторонах — материальной и идеальной, — то и содержание понятий и суждений, содержание мышления человека, его сознание также не может не быть знаковым по своей природе. Высказывается мнение, что из принципа знаковости би-

* Основные положения настоящей статьи были доложены на Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания 11 ноября 1974 г. См.: «Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний», М., 1974, стр. 105—112.

латеральных языковых единиц в целом еще не следует, что человеческое мышление и познание также является знаковым, так как формы чувственного познания объективной действительности (ощущения и восприятия) являются результатом ее непосредственного воздействия на органы чувств и, следовательно, не зависят от языка¹. Не говоря уже о том, что процессы чувственного и абстрактного, обобщенного познания происходят в постоянном взаимодействии друг с другом, положение о знаковом характере второго из них и незнаковом — первого означает лишь, что на высшей ступени человеческого познания результаты его низшей ступени преобразуются таким образом, что приобретают знаковый характер. Таким образом, из положения о знаковом характере идеальной стороны языковой единицы неизбежно следует вывод (его и делают многие авторы) о знаковом характере специфически человеческого, т. е. абстрактного, обобщенного познания, вывод о том, что в процессе этого познания не происходит отражения объективной действительности.

Выход из этой трудности кардинального гносеологического характера многие авторы (как лингвисты и специалисты по семиотике, так и философы) видят в том, что, сохраняя положение о знаковой природе билаateralной языковой единицы в целом, вторую, не материальную сторону языковой единицы (десигнат, значение, обозначаемое) следует рассматривать как отношение материальной стороны языковой единицы к соответствующим явлениям объективной действительности (денотату) или понятию о них, или к тому и другому одновременно².

При этом, однако, остается неразъясненным, во-первых, как отношение материальной стороны языковой единицы к денотату или понятию может войти в состав и быть второй стороной этой языковой единицы (отношение не может быть компонентом только одного из членов отношения) и, во-вторых, какой природой оно обладает (идеальной или материальной). Далее, если, например, значение слова есть отношение его материальной стороны к понятию или денотату, или к тому и другому одновременно, то должно быть столько различных отношений этого рода, сколько существует различных лексических значений. Но очевидно, что, на самом деле, во всех случаях указанное отношение в принципе остается одним и тем же — звуковая сторона слова *стол* относится к соответствующему понятию или денотату так же, как и звуковая сторона слова *стул* относится к понятию *стул* или денотату этого слова и т. п.³, — во всех подобных случаях это отношение будет отношением знаковой функции.

Самое существенное здесь, однако, заключается в том, что мыслящий субъект может относить материальную сторону языковой единицы к тем или иным явлениям объективной действительности за одним исключением, о котором ниже, только при условии знания совокупности общих признаков этих явлений, т. е. при наличии у него в мозгу их образа (в гносеологическом смысле). В этом отношении имеется существенное

¹ См., например: Л. С. Е р м о л а е в а, Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании, сб. «Проблемы общего и частного языкознания», М., 1960, стр. 64.

² По-видимому, одним из наиболее ранних в советской лингвистике определений подобного рода является определение значения, данное В. Н. Волошиновым. «Значение, — пишет он, — является выражением отношения знака, как единичной действительности, к другой действительности, им замещаемой, представляемой, изображаемой. Значение есть функция знака, поэтому и невозможно представить себе значение (являющееся чистым отношением, функцией) существующим вне знака, как какую-то особую, самостоятельную вещь» (В. Н. В о л о ш и н о в, Марксизм и философия языка, Л., 1929, стр. 36).

³ См.: В. М. С о л н ц е в, Язык как системно-структурное образование, М., 1971, стр. 104—105.

различие между собственными и нарицательными именами. Употребление нарицательного имени для обозначения какого-либо единичного конкретного объекта возможно и в том случае, если тот или иной субъект не имеет предварительного знания о том, что это имя относится к данному конкретному объекту, благодаря наличию у субъекта образа объектов данного рода.

В то же время наименование какого-либо конкретного объекта собственным именем возможно лишь при условии знания этим субъектом того, что соответствующий объект является денотатом этого собственного имени, т. е. факта отнесенности последнего к этому объекту.

Таким образом, положение о том, что значение (десигнат) языковой единицы есть отношение к денотату ее материальной стороны, по-видимому, можно считать справедливым только применительно к собственным именам, однако, с той оговоркой, что, поскольку эта отнесенность осуществляется мыслящим субъектом, то правильное будет говорить о десигнате собственного имени как з н а н и и этой отнесенности.

Положение о знаковой природе билатеральной языковой единицы в целом логически вытекает из той концепции о сущности языка, согласно которой языковые единицы есть лишь продукт тех отношений, в которых они находятся в языковой системе, так что их качественная определенность целиком порождается этими отношениями. Аналогичным образом и принцип рассмотрения языка как имманентного явления представляет собой лишь логическое следствие этого понимания природы языковых единиц и языков в целом. В философском плане такой подход к сущности языка и языковых единиц может быть охарактеризован как антисубстанционализм, или релятивизм⁴, поскольку здесь утверждается не только примат отношения над субстанцией, но эта последняя сводится к отношениям. Это понимание сущности языка и языковых единиц идет в общем русле с неопозитивистской философией, отождествляющей значение с отношением между знаками, абсолютизирующей логико-синтаксическую трактовку значения.

В последние годы было предпринято немало попыток, если не доказать, то декларировать, что подобный подход к языку, развиваемый в структуральном языкознании, не только не противоречит диалектическому материализму, но даже представляет собой конкретное применение его основных принципов к исследованию языка⁵.

Понятия системы и структуры, действительно, широко использовались в марксистской философии, в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса⁶, и в этом смысле структурный метод, получивший в последние десятилетия широкое распространение в языкознании, этнографии, литературоведении и некоторых других общественных науках, не может претендовать на оригинальность.

⁴ См. также сб. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков», М., 1960, стр. 114—115. Не следует смешивать термин «релятивизм» (синоним термину «антисубстанционализм»), употребляемый здесь в онтологическом смысле для характеристики одного из философских направлений, основным принципом которого является утверждение о примате отношения, а не субстанции, с гносеологическим термином «релятивизм», который употребляется для характеристики того направления в гносеологии, которое отрицает, что в процессе человеческого познания достигается объективная истина, и утверждает, что человеческое знание имеет относительный характер. Кроме того, есть также «релятивизм этический» и «релятивизм» в области эстетики. Об этом приходится напоминать, так как некоторые лингвисты не разграничивают двух первых терминов (см., например: С. К. Шаумян, Философские вопросы теоретической лингвистики, М., 1971, стр. 149—151).

⁵ В этом отношении из представителей отечественного структурализма особенно много усилий прилагал С. К. Шаумян.

⁶ См., например: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 20, стр. 35—36, 392, 513.

Более того, понятия системы и структуры могут рассматриваться как производные от такого диалектического принципа, как принцип всеобщей связи и взаимообусловленности явлений. Однако между пониманием системы и структуры, которое развивалось в структуральном языкознании, и марксистским пониманием системы и структуры, существуют глубокие принципиальные различия. С точки зрения структурализма как определенного лингвистического направления, языковые явления на всех уровнях представляют собой результат тех отношений, в которых они находятся друг к другу, так что качественная определенность языковых явлений целиком определяется этими отношениями. Иначе рассматривается вопрос о роли отношений в создании качественной определенности объектов в марксистской философии.

С позиций диалектического материализма отношение есть всегда отношение в е щ е й по какому-либо свойству, присущему каждой из них. Не существует отношения вне отношений в е щ е й. Эта точка зрения диалектического материализма противопоставляется положению объективного идеализма об особой, «надвещественной» реальности отношений. Но именно положение о языке как сети отношений, которая формирует субстанцию (звуковую и семантическую) и для которой характер «вещной» формы ее воплощения безразличен, является методологической, философской основой структурального направления языкознания или по крайней мере таких его течений, как соссюрианство, глоссематика, дескриптивная лингвистика и др.

(Дескриптивная лингвистика по сравнению с этими двумя направлениями структурализма занимает как бы особое положение, так как, во всяком случае, некоторые ее представители наряду с отношениями выделяют в языке также и качественно определенные элементы, находящиеся в этих отношениях. Однако в основе предложенного в этом направлении принципа дистрибутивного анализа языка, согласно которому для описания языковой единицы достаточно установить ее синтагматические связи в речевой цепи, также лежит тезис о том, что языковая единица есть порождение тех отношений, в которые она вступает в синтагматическом ряду.)

Противопоставляя структуральный подход к анализу языка таковому же с позиций «наивного реализма», Л. Ельмслев писал: «и рассматриваемый объект, и его части существуют только в силу этих зависимостей; рассматриваемый объект как целое может быть определен только через их общую сумму; каждая из его частей может быть определена только через зависимости, связывающие ее с другими соотносимыми частями следующего уровня, и через сумму зависимостей, которые связывают части этого следующего уровня друг с другом. При таком рассмотрении „объекты“ наивного реализма, с нашей точки зрения, являются не чем иным, как пересечением, пучком подобных зависимостей. Иными словами, объекты могут быть описаны только с их помощью и могут быть определены и научно рассмотрены только таким путем. Зависимости, которые наивный реализм рассматривает как вторичные, предполагающие существование объектов, становятся с этой точки зрения первичными, предопределяемыми взаимными пересечениями. Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношений является излишней аксиомой и, следовательно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться»⁷.

Отношения (зависимости по Л. Ельмслеvu), действительно, имеют статус реального существования, но лишь постольку, поскольку они есть

⁷ Л. Ельмслев, Прологомены к теории языка, сб. «Новое в лингвистике», 1, 1960, стр. 283; см. также стр. 333, 337.

отношения вещей⁸. Диалектика вещи и отношения состоит именно в том, что не существует отношений помимо вещей, но не существует и вещей, их свойств вне отношений. К. Маркс, анализируя понятие стоимости, писал, что «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении»⁹. В самом деле, когда устанавливается отношение равенства по весу двух различных предметов (например, 1 кг чая и 1 кг железа в виде гири), то тяжесть обоих этих предметов существовала до того, как они были поставлены в это отношение — она является результатом их притяжения к земле. Аналогичным образом, отношение равенства по стоимости 1 кг чая и 10 м материи не означает, что стоимость в этих предметах появилась в результате установления этого отношения — она была создана благодаря одинаковым в обоих случаях затратам труда, общественно необходимого для производства соответствующих потребительских стоимостей.

В приведенной выше формулировке в понятие отношения К. Марксом не включаются каузальные, причинно-следственные отношения, но здесь следует иметь в виду, что эти последние по самой сути своей исключаются из того понятия языка как системы, которое развивается в структуральном языкознании, и учитываются лишь при диахроническом подходе к исследованию языка.

Диалектический принцип всеобщей связи и взаимообусловленности предполагает далее, что язык, как и все другие общественные и природные явления, не является чем-то изолированным, а, наоборот, в своем существовании и развитии подвержен воздействию неязыковых явлений, лингвистических факторов, к числу которых прежде всего относятся человеческое мышление, познающее действительность, и общество. Следовательно, понятия системы и структуры, которое развивалось структурализмом применительно к языку, принципиально отличаются от соответствующих понятий в марксистско-ленинской философии тем, что, абсолютизируя роль отношений, в которых находятся друг к другу языковые единицы, в формировании их качественной определенности, структурализм вместе с тем отрицает связи, отношения и взаимодействия языковых явлений с неязыковыми, т. е. ограничивает действие принципа всеобщей связи и взаимодействия лишь пределами языка.

Основанный на чисто реляционном подходе тезис о языке как имманентном явлении, а о его составляющих языковых единицах как знаковых по своей природе в обоих их сторонах позволяет рассматривать язык не как орудие, посредством которого осуществляется абстрактное, обобщенное мышление и в сознании человека отражается объективная действительность, а как такое явление, которое жестко определяет сам характер (тип)

⁸ С. К. Шаумян (см. его «Философские вопросы теоретической лингвистики», стр. 149—151), доказывая свою приверженность марксистско-ленинской философии, утверждает, что разделяемый им тезис о языке как сети отношений вполне совместим с этой философией, так как при этом признается объективность отношений и й. Из его рассуждений следует далее, что в силу этого отношения должны включаться в материю. Правда, несколькими строками ниже он же утверждает, что отношения есть свойство материи. Но, во-первых, язык включает в себя как материальную, так и идеальную стороны, а следовательно, и разного рода отношения — между материальными его элементами, между идеальными его элементами и между теми и другими, — в силу чего язык, даже если мы будем рассматривать его как сеть отношений, никак не может считаться только материальным явлением. Во-вторых, категория отношений коррелирует с категорией вещей, а не материи, как это получается у С. К. Шаумяна, и тезис о языке как сети отношений не может быть принят с позиций марксистско-ленинской философии потому, что он противоречит одному из ее основных положений, согласно которому отношения есть всегда отношения вещей.

⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 23, стр. 67.

мышления, его логический строй и результаты познания человеком объективной действительности. Такого рода понимание языка в его отношении к мышлению, человеческому познанию и действительности развивается в неогумбольдтианстве (европейском и американском), в общей семантике и лингвистической философии, которые являются ведущими направлениями неопозитивизма, а также в экзистенциалистской герменевтике и в некоторых направлениях семиотики¹⁰. «Для всех этих течений, — отмечает Ф. П. Филин, — характерна общая черта — возведение языка как системы знаков в абсолют, своеобразная магия языка»¹¹.

Аналогичным образом в эстетике и литературоведении получили широкое распространение взгляды, согласно которым произведения искусства представляют собой особого рода знаковые системы, основной чертой которых является их имманентность, их самодовлеющий характер¹².

Как отмечает М. Б. Храпченко, в структуральном литературоведении существуют два направления. Представители первого из них (И. Мукашевский и др.), утверждают, что литературно-художественное произведение есть система знаков, так как основным ее средством является словесный знак. Сторонники второго направления (Ю. Лотман и др.) полагают, что художественная литература обладает своим специфическим «языком», надстраивающимся над словесным языком¹³.

При всех различиях этих двух направлений их объединяет положение о том, что художественная литература, будучи имманентной знаковой системой, не является специфической формой отражения действительности.

Как пишет М. Б. Храпченко, «такое умозаключение обусловлено даже не известной совокупностью фактов, а тем распространенным в наше время „знаковым фетишизмом“, с которым, в частности, связано стремление видеть в семиотике современную гносеологию»¹⁴.

Тенденция абсолютизировать роль знаков и знаковых систем находит свое наиболее яркое выражение в той точке зрения, согласно которой всякое знание и в том числе научное знание есть лишь определенным образом организованная система знаков — «язык», не имеющий отношения к объективной действительности, т. е. к своеобразной форме идеализма, который можно назвать лингвистическим (или шире: семиотическим).

Внутренняя слабость концепций, в основе которых лежит принцип имманентности, абсолютной независимости знаковой системы того или иного рода состоит в том, что этот принцип находится в явном противоре-

¹⁰ См. об этом: В. З. П а н ф и л о в, Язык, мышление, культура, ВЯ, 1975, 1.

¹¹ Ф. П. Ф и л и н, О некоторых философских вопросах языкознания, сб. «Тенинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, стр. 9.

¹² История возникновения, основные этапы развития этой концепции в эстетике и литературоведении, а также ее интересный и убедительный критический анализ дается в книге: Ю. Б а р а б а ш, Вопросы эстетики и поэтики, М., 1973.

¹³ См.: М. Б. Х р а п ч е н к о, Семиотика и художественное творчество. Статья первая, «Вопросы литературы», 1971, 9.

¹⁴ М. Б. Х р а п ч е н к о, указ. соч., стр. 80. О размерах «знакового фетишизма» и его социальной направленности в современной буржуазной науке можно судить по следующему высказыванию: «... социологи говорят о том, что в последнюю четверть XX века человеческое общество из „металлургического“ превратится в „семиургическое“, иными словами, на смену системе, основой которой были производство, распределение и обмен товаров, придет система, где предметом производства, распределения и обмена станут знаки и символы (свидетельством приближения такой эпохи считают, например, возрастание значимости упаковки, товарных знаков и т. д. в производстве потребительских товаров)».

Унаследованные от XIX века теории не могли, что вполне понятно, учесть воздействия этого феномена, к изучению которого экономисты и социологи только приступили. Но сейчас, с появлением видеозаписи, правомерно спросить: не становится ли уже в порядок дня рождение новой экономической науки — исследования роли знаков?» (А. Д б ё з е д, Видеозапись и жизнь, «Курьер ЮНЕСКО», октябрь 1974, стр. 33).

чий с основным понятием семиотики — понятием знака. Сущность знака, его основная функция заключается в том, что он представляет, замещает нечто, находящееся вне этого знака и той знаковой системы, к которой он принадлежит. Поэтому не может быть такой знаковой системы, которая бы была замкнута на саму себя и компоненты которой ни с чем не соотносились бы вне нее. Как пишет М. Б. Храпченко, «знак, который ничего не обозначает и существует будто бы вне связи с материальной действительностью или определенными представлениями, намерениями людей, реально знаком не является. Он потому и носит название знака, что обозначает собой какие-то объекты, идеи, действия. Без такой связи знак теряет свой смысл, свое значение»¹⁵.

В достаточно отчетливой форме принцип, согласно которому языковая единица в целом и ее идеальная сторона, в частности, является всецело продуктом ее отношений к другим языковым единицам, был сформулирован в языкознании Ф. де Соссюром. Определяя языковой знак как комбинацию понятия и акустического образа, или, иначе, означаемого и означающего¹⁶ и указывая, что «связь, соединяющая означаемое с означаемым, произвольна», Ф. де Соссюр делал из этого вывод о произвольности языкового знака в целом¹⁷.

Однако, если не сводить сущность языкового знака к связи означающего и означаемого¹⁸, то из самого факта ее произвольности, состоящей в том, что между означающим и означаемым нет никакого подобия, по-видимому, еще не следует, что признак произвольности будет свойствен не только означающему, но и означаемому. И у Ф. де Соссюра мы находим иное обоснование принципа произвольности означаемого как компонента языкового знака. Говоря об означаемом, Соссюр оперирует терминами «понятие» (= «идея»), «значение» и «значимость» (= «ценность»). Под «значением» он имеет в виду «понятие», взятое в его отношении к акустическому образу, т. е. означающему¹⁹. То же самое «понятие», но рассматриваемое уже в его отношении к другим компонентам языковой системы того же порядка определяется им как «значимость»²⁰. Именно понятие значимости оказывается центральным в соссюровской теории языкового знака и сущности языка в целом. Именно из того понимания значимости, которое развивается Ф. де Соссюром, и следует вывод о произвольности не только означающего, но и означаемого.

«Говоря, что они (значимости.— В. П.) соответствуют понятиям,— пишет Ф. де Соссюр,— следует подразумевать, что эти последние чисто дифференциальны, т. е. определены не положительно своим содержанием, но отрицательно своими отношениями с прочими элементами системы.

¹⁵ М. Б. Храпченко, указ. соч., стр. 72—73. Ср. утверждение президента Международной ассоциации семиотики Э. Бенвениста о том, что семиотика принципиально не интересуется отношением знака с референтом и языка с действительностью в целом (см.: E. Benveniste, *La forme et le sens dans le langage*, сб. «Recherches sur les systèmes signifiants. Symposium de Varsovie, 1968», présentées par J. Rey-Debove, The Hague-Paris, 1973, стр. 95).

¹⁶ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 78.

¹⁷ Там же, стр. 79.

¹⁸ Как об этом можно судить по некоторым его высказываниям, сам Ф. де Соссюр отождествлял отношение, связь означаемого и означающего со знаком (см., например, стр. 114 указанного сочинения). Отношение между материальной и идеальной стороной языковой единицы не может рассматриваться как языковой знак хотя бы уже потому, что оно само по себе не способно выступать в знаковой функции, замещать, представлять что-либо, существующее вне языкового знака. К тому же при таком определении языкового знака материальная и идеальная сторона языковой единицы все равно рассматриваются как компоненты языкового знака, что никак не следует из определения знака как отношения этих ее сторон.

¹⁹ Там же, стр. 78, 114.

²⁰ Там же, стр. 114.

Характеризуются они в основном именно тем, что они — не то, что другие»²¹.

В другом месте Ф. де Соссюр утверждает, что «значимости остаются целиком относительными» и их «единственное обоснование ... сводится к обычаю и общему согласию»²², что «язык не может не быть системой чистых значимостей (ценностей)»²³.

Такое понимание роли фактора системности в конституировании обозначаемого языкового знака (как, впрочем, и означающего) вытекает из развиваемой им концепции о сущности мышления в его отношении к языку и действительности. «Характерная роль языка в отношении мысли, — пишет Соссюр, — не заключается в создании материального звукового средства для выражения идей, но в том, что он служит посредником между мышлением и звуком и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц. Мышление, хаотичное по природе, принуждено уточняться, разлагаясь.... Все сводится к тому в некотором роде таинственному явлению, что „мысль — звук“ требует наличия делений, и что язык вырабатывает свои единицы, оформляясь между двумя бесформенными массами»²⁴. В другом месте Ф. де Соссюр выражается еще более определенно. «Взятое само по себе, — пишет он, — мышление похоже на туманность, где ничто не разграничено»²⁵.

Таким образом, по Ф. де Соссюру, язык как система значимостей, сводимая к сети отношений, играет определяющую роль по отношению к мышлению, так что все возникающие в мышлении разграничения, т. е. понятия, суждения и т. п., есть не результат в той или иной степени адекватного отражения действительности, а результат воздействия на него языка. Следовательно, здесь Ф. де Соссюр выступает как предшественник концепции о соотношении языка, мышления, познания и действительности, которая в последующий период получила развитие в неогумбольдтианстве и неогумбольдтианской этнолингвистике, в основных направлениях неопозитивистской философии — общей семантике и лингвистической философии, а также в некоторых направлениях семиотики.

Итак, в понимании Ф. де Соссюра идеальная сторона языковой единицы (обозначаемое), сводимая им в конечном счете к значимости (*valeur*), является произвольной в том смысле, что она не есть результат отражения объективной действительности, поскольку она представляет собой всецело продукт внутрисистемных языковых отношений. Сам Ф. де Соссюр выразил эту мысль в следующей итоговой формулировке: «*Произвольность и дифференциальность* суть два соотносительных качества»²⁶. Получив широкое распространение в различных направлениях языкознания²⁷, этот принцип, в частности, послужил теоретической основой метода

²¹ Там же, стр. 116. Этот тезис Ф. де Соссюра повторяет в своем докладе на симпозиуме по семиотике в Варшаве в 1968 г. Э. Бенвенист. «Быть дифференциальным и быть значимым, — пишет он, — это одно и то же» (E. Benveniste, *La forme et le sens dans le langage*, стр. 95).

²² Там же, стр. 113.

²³ Там же, стр. 112.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 117.

²⁷ Наиболее последовательно этот принцип Ф. де Соссюра развивается в глоссематике Л. Ельмслева, для которого, в частности, значение есть чисто контекстуальное явление (см.: Л. Ельмслев, указ. соч., стр. 303). Нашел он поддержку и в неогумбольдтианской этнолингвистике Б. Уорфа, по мнению которого язык имеет алгебраическую природу и объект лингвистики есть мир отношений (см.: B. Worf, *Language, thought and reality*, New York, 1956, стр. 259, 234), и в других лингвистических направлениях.

дистрибутивного анализа, согласно которому для установления качественной определенности языковых единиц различных уровней достаточно учесть дистрибуцию этих языковых единиц, т. е. то окружение, в котором они выступают в синтагматическом ряду. Первоначально делались попытки на этом же принципе построить и алгоритмы машинного перевода с одного языка на другой.

Практика лингвистических исследований и опыт машинного перевода показали, что языковое значение невозможно определить не только на основе учета синтагматических связей²⁸, но и всей совокупности системных связей соответствующих языковых единиц и что, следовательно, идеальная сторона языковой единицы не может рассматриваться только как продукт ее отношений с другими языковыми единицами.

Идеальная сторона билатеральной языковой единицы, имея ту же природу, что и содержание абстрактного, обобщенного мышления, формируется в связи с отражением объективной действительности, является ее образом в гносеологическом смысле и не может рассматриваться как знаковая по своему характеру.

Вместе с тем в формировании идеальной стороны языковых единиц известную роль играет также фактор системности языковых явлений, в связи с чем в ней наряду со значением, являющимся результатом отражения объективной действительности, следует выделять значимость как результат действия фактора системности²⁹ (в таком случае идеальную сторону языковой единицы в целом можно было бы назвать десигнатом).

Роль каждого из этих компонентов, т. е. значения и значимости в конституировании идеальной стороны языковых единиц будет различной на различных языковых уровнях.

Так, на морфемном уровне существует немало морфем, по существу полностью лишенных значений, которые являлись бы отражением каких-либо сторон объективных явлений, и их идеальная сторона сводится к значимости. Таковы, например, в русском языке морфемы, выражающие род существительных, род, число и падеж у прилагательных, род и число у глагола, т. е. морфемы с чисто формальной функцией.

В образовании идеальной стороны других единиц морфемного уровня фактор отражения, однако, играет основную роль. Таковы, например, морфемы, выражающие число у существительных или вид и время у глаголов в русском языке и т. п. Наконец, можно выделить и морфемы такого типа, в образовании идеальной стороны которых играет роль как фактор

²⁸ Ср. следующее относительно недавнее высказывание И. А. Мельчука: «...вопрос о возможности полностью описать язык чисто дистрибутивными методами остается открытым; однако путь к решению проблемы идет не через философские контroversы, а через деловое экспериментирование, которое только и может показать, в какой степени чисто дистрибутивное описание языка будет удовлетворительным» (разрядка наша. — В. П.) (И. А. Мельчук, [рец. на кн.:] «Автоматизация в лингвистике», ВЯ, 1968, 1, стр. 143—144). Очевидно, что при своевременном осознании философской, методологической несостоятельности релятивистского понимания языка, на котором базируются как концепция о возможности полного описания языка чисто дистрибутивными методами, так и соответствующие алгоритмы машинного перевода, не было бы нужды прибегать к «деловому экспериментированию», потребовавшему больших затрат времени, материальных средств и духовных сил.

²⁹ См. также: V. Z. Panfilov, Reflecting function of natural languages, «Proceedings of the IV International Congress for logic, methodology and philosophy of science», 2, Bucharest, 1971. Здесь кажется уместным напомнить также следующую мысль В. Гумбольдта: «Язык — одновременно изображение и знак, он не только результат действия предметов, но и не только продукт произвола говорящего» (W. Humboldt, Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung, «Gesammelte Werke», 3, Berlin, 1841—1852, стр. 264).

отражения, так и факторы системного характера. К ним относятся, например, некоторые морфемы, выражающие залоговые отношения. Так, формами действительного и страдательного залогов глагола выражаются одни и те же отношения субъекта и объекта к действию, т. е. отражаются одни и те же отношения действительности (ср. *Рабочие построили дом* и *Дом построен рабочими*). Различие между действительным и страдательным залогами состоит лишь в том, что в первом случае субъект и объект действия выражаются соответственно подлежащим и прямым дополнением, а во втором случае соответственно — косвенным дополнением и подлежащим. Иначе говоря, оба эти залога глагола и две соответствующие конструкции предложения можно рассматривать как два различных языковых способа представления одних и тех же отношений действительности.

На более высоком языковом уровне, каковым является лексический, в конституировании идеальной стороны лексических единиц определяющую роль играет фактор отражения объективной действительности, хотя ей в той или иной степени могут быть свойственны и реляционные моменты ³⁰.

Таким образом, методологическая несостоятельность той трактовки языка в целом и идеальной стороны языковых единиц в частности, которая развивалась Ф. де Соссюром и в последующей традиции, состоит в абсолютизации относительной самостоятельности языка в его отношении к мышлению, познающему объективную действительность, в абсолютизации фактора системности языка, тех реляционных свойств, которые в той или иной степени присущи языковым единицам как элементам языковой системы.

Языковая единица (типа слова) как единство материальной и идеальной стороны существует в том отрезке речевой цепи, который локализуется или в мозгу говорящего, или мыслящего субъекта (внутренняя речь) и включает в себя кинестезические раздражения от органов речи (материальная сторона) и идеальную сторону в виде образов (в гносеологическом смысле), или она (языковая единица) локализуется в мозгу слушающего и включает в себя раздражения от органов слуха и кинестезические раздражения от скрыто артикулирующих органов речи (материальная сторона) и идеальную сторону в виде тех же образов.

Противопоставление идеальной и материальной стороны языковых единиц в этих отрезках речевой цепи не имеет абсолютного характера, так как идеальная сторона является продуктом определенных физиологических (материальных) процессов в головном мозгу человека и противостоит материальной стороне только в той мере, в какой она является результатом отражения вне и независимо от субъекта существующей действительности.

Отрезок речевой цепи, локализующийся между говорящим и слушающим, включает в себя только материальную сторону языковых единиц в виде определенным образом организованных звуковых волн. Не включая в себя идеальной стороны, этот отрезок речевой цепи вместе с тем несет в себе определенную информацию, также материальную по своему характеру, благодаря чему, по-видимому, в мозгу слушающего и возникают те же, что и у говорящего или в той или иной степени близкие ему образы как идеальная сторона соответствующих языковых единиц.

Языковая единица (типа слова) вне акта коммуникации или внутренней речи локализуется в мозгу как следы в памяти человека в нейронах и ней-

³⁰ Этот вопрос детально рассматривается в статье: Р. А. Б у д а г о в, Категория значения в разных направлениях современного языкознания, ВЯ, 1974, 4.

ронных связях головного мозга, в которых кодируется ее идеальная сторона (образ в гносеологическом смысле) и ее материальная сторона (кинестезические раздражения от артикулирующих органов речи), а также слуховой образ звучащего слова.

Существует точка зрения, согласно которой объективность языка как общественного явления проявляется в его intersubъективном существовании, в существовании вне и помимо тех индивидуумов, которые пользуются этим языком. Так, отвергая как абстрактный объективизм подход к языку как социальному явлению, свойственный Ф. де Соссюру и его последователям, В. Н. Волошинов полагал, что «действительность слова, как и всякого индивидуального знака, расположена между индивидами»³¹ и что «действительной реальностью языка — речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями»³². Детально развивается понимаемый таким же образом принцип объективности существования языка как общественного явления Л. Анталом. Он пишет: «язык — это вторая форма объективности. Эта вторая форма есть социальная объективность и может быть также названа объективной реальностью, так как она удовлетворяет не в сознании индивидов, но обособленно от него и независимо от него»³³. Этот же автор утверждает далее, что «вместилищем языка не может быть сознание индивида»³⁴. Теория языка «как знаковой, или семиотической, системы, объективно существующей вне отдельного человека, в общении индивидов, т. е. имеющей интериндивидуальное, социальное существование»³⁵ (разрядка наша. — В. П.) разделяется также Ю. С. Степановым и некоторыми другими авторами.

Действительно, есть широкий круг общественных по своей природе явлений, которые существуют вне индивидов, составляющих данное общество, как отчужденные результаты их деятельности. Таковы, например, объекты материальной культуры человечества, включая производительные силы.

Язык также принадлежит к числу общественных явлений. Однако его социальная природа проявляется не в том, что он существует вне индивидов, а в том, что он существует в головах индивидов, которые как носители специфически человеческого мышления и того средства его осуществления и существования, каковым является язык, представляют собой продукт социального, общественного развития, являются социальными существами.

Человеческое мышление «...существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей»³⁶. Аналогичным образом тот или иной язык существует как язык индивидов, образующих данную языковую общность.

Принцип, согласно которому язык существует как intersubъективное явление, предполагает, что вне мозга человека находится не только мате-

³¹ В. Н. Волошинов, Марксизм и философия языка, стр. 22.

³² Там же, стр. 113.

³³ L. A n t a l, Questions of meaning, The Hague, 1963, стр. 12.

³⁴ Там же, стр. 10.

³⁵ См.: Ю. С. Степанов, Проблема общего метода современной лингвистики, сб. «Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний», М., 1974, стр. 126.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 20, стр. 87.

риальная, но и идеальная сторона языковых единиц. Но если решать этот вопрос материалистически, а не с позиций платоновского объективного идеализма, то «нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит»³⁷. Идеальная сторона языковых единиц также не может существовать вне мозга человека, продуктом которого она является. Противоположное же утверждение предполагает, что идеальное имеет независимое от материи существование и эта точка зрения находит свое логическое завершение как в основном принципе двух ведущих направлений неопозитивизма — общей семантики и лингвистической философии, — согласно которому язык есть единственная данная человеку реальность, так и в концепциях неогумбольдтианской лингвистики и глоссематики, в которых язык рассматривается как некая независимая от индивида и его мышления сущность.

Вместе с тем тот факт, что мышление человека и идеальная сторона языковых единиц существуют только в связи со своим материальным субстратом — человеческим мозгом, не означает, что они представляют собой чисто субъективное явление. Мышление одного индивида и идеальная сторона используемых им языковых единиц для другого индивида предстают как объективное явление, существующее вне и независимо от него.

Если в конституировании идеальной стороны таких языковых единиц как слово, определяющую роль играет фактор отражения объективной действительности, а вместе с тем и прежде всего объективная действительность отражается в таких единицах абстрактного, обобщенного мышления, как понятия, то возникает вопрос об отношении этих двух форм отражения действительности в процессе мышления и познания, вопрос о том, не предполагает ли такого рода допущение двух параллельных видов отражения.

Прежде всего следует указать, что теоретически вполне допустимо положение о наличии нескольких уровней структурно-семантической организации абстрактного, обобщенного мышления и познания (ср. в этой связи наличие кратковременной и долговременной памяти). Можно полагать, что наряду с системой десигнатов, фиксируемых лексикой языка, существует система понятий, поскольку средством ее фиксации являются не только такие языковые единицы, как слова, но и речевые произведения в виде словосочетаний и предложений, конкретное содержание которых является принадлежностью не языка, а речи.

Поэтому можно предполагать, что система понятий, фиксируемая как словами, так и речевыми произведениями указанного типа, будет значительно больше по объему, чем система лексических значений. Уже сам факт различия по объему систем понятий и лексических десигнатов предполагает, что при отсутствии изоморфизма между ними существуют определенные различия между соответствующими понятиями и лексическими десигнатами.

Одна из основных ошибок концепции неогумбольдтианства в обоих его разновидностях — европейской (Л. Вейсгербер и его последователи) и американской (гипотеза Сенира — Уорфа) состоит именно в том, что из несомненного факта несовпадения систем лексических значений (по нашей терминологии — лексических десигнатов) различных языков в этой концепции делается прямолинейный вывод о различии систем понятий носителей этих языков, в основе чего лежит тезис о тождестве системы лексических десигнатов языка и системы понятий его носителей. Конечно, между системой понятий носителей одного языка и системой понятий носителей

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2, стр. 143. Эта формулировка дается К. Марксом, характеризующим материалистические взгляды Гоббса. Позднее она повторяется Ф. Энгельсом во «Введении к английскому изданию» его работы «Развитие социализма от утопии к науке» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 22, стр. 301).

другого языка существуют определенные и нередко весьма существенные различия, однако эти различия не могут рассматриваться как результат различий систем лексических десигнатов соответствующих языков хотя бы уже потому, что определенные различия есть между системами понятий носителей одного и того же языка или даже между системами понятий одного и того же индивида в различные периоды его жизни.

Высказывается мнение, что различие между понятием и значением слова (десигнатом в принятой здесь терминологии) состоит в том, что понятие в совокупности составляющих его содержание признаков изоморфно соответствующему объекту действительности (денотату) в совокупности характеризующих его признаков, в то время как десигнат и денотат не находятся в изоморфном отношении друг к другу, так как десигнат отражает лишь некоторую часть присущих денотату признаков³⁸. Под изоморфным отношением двух систем имеют в виду такие случаи, когда «каждому элементу первой системы соответствует лишь один элемент второй и каждой операции (связи) в одной системе соответствует операция (связь) в другой и обратно»³⁹. Очевидно, однако, что изоморфное соотношение между понятием и денотатом в принципе осуществляется лишь как предел человеческого познания и можно говорить лишь о непрерывном процессе приближения к такому их соотношению (иными словами — к абсолютной истине) в ходе человеческого познания, так что на каждом его этапе то или иное понятие адекватно отражает лишь некоторые из признаков денотата, т. е. достигается лишь относительная, а не абсолютная истина. Таким образом, едва ли есть основания считать, что, если понятие и денотат находятся в изоморфном соотношении друг с другом, то десигнат и денотат в отличие от этого не находятся в таком соотношении. Тем не менее, понятия и десигнаты слов существенным образом отличаются по той их роли, которую они играют в процессах мышления. Так, десигнаты слов не являются структурными компонентами логических форм мышления. Суждение как форма мышления, фиксирующая относительно законченный акт мысли, в качестве своих компонентов включает не десигнаты слов, а понятия, и слово в составе предложения, выражающего суждение, обладает лишь способностью выразить понятие как структурный компонент этой формы мышления⁴⁰.

Далее следует отметить, что содержание абстрактного, обобщенного мышления в целом исчерпывается содержанием речи (внешне выраженной или внутренней), однако это последнее не сводится к сумме десигнатов языковых единиц, используемых в процессе речи.

Таким образом, существование наряду с понятиями, суждениями и другими неязыковыми категориями также и языкового десигната, в формировании которого определяющую роль играет фактор отражения объективной действительности, не означает, что есть два самостоятельных, параллельных и независимых друг от друга вида отражения действительности.

Вместе с тем необходимы дальнейшие исследования, которые бы более конкретно показали, каковы роль и соотношение указанных рядов явлений в едином процессе человеческого мышления и познания.

³⁸ Эта точка зрения, по-видимому, восходит к концепции А. А. Потебни о ближайшем (формальном) значении слова и его дальнейшем значении (понятии), из которых предметом языкознания является лишь первое (см.: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, М., 1958, стр. 19—20).

³⁹ См.: «Философский словарь», М., 1968, стр. 107.

⁴⁰ См. подробнее: В. З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 6—10.